

„МИНИН“ МАКОВСКОГО

Знаменитая картина художника К. Маковского «Минин», находящаяся в настоящее время в г. Горьком, во Дворце труда, впервые была выставлена в 1896 году на Всероссийской художественно-промышленной выставке в Нижнем-Новгороде. Печатаемая ниже статья А. М. Горького об этой картине была напечатана в 1896 г. в газете «Одесские новости», где систематически печатались, на протяжении всего выставочного времени, отчеты-корреспонденции А. М. Горького о выставке.

Об этой картине ходят самые разнообразные слухи. Одни—слишком ругают, другие чересчур хвалят. Это значит, что предмет суждения высоко интересен. Картина помещена в отдельном павильоне с (входной) платой 30 копеек. Это полотно аршин в шесть ширины и десять высоты. Первое впечатление—оно тускло, работа кажется спешной, точно художник, против своего обыкновения, на этот раз позабыл отделать детали. Но присматриваешься—и первое впечатление совершенно ступшевывается. На полотне выступают яркие пятна, и когда, наконец, снова сольешь их в одно целое,—картина уже не та, которую увидал в первый момент,—это, оставляя вне обсуждения технику—живая вещь, крушной исторический жанр, верный, интересный и очень красивый.

В центре картины, на бочке, покрытой какой-то доской, возбужденный и расстрепанный Минин, высокий, здоровый мужчина в полушубке, с подоткнутыми за пояс полами. Он горячо говорит—это видно—и указывает толпе на церковь выше его, на горе. Из деревянной маленькой церкви идут священники с хоругвями. Над церковью—стая голубей, спугнутая с колокольни посадскими девицами. Всюду, по горе, около Минина и его кафедр—толпа, волнующаяся, крикливая, охваченная огнем сознания своей задачи. Убогий нищий, с костылем под мышкой, срывает со своей шеи крест, и лицо его взволнованно, бледно. Здоровенный мясник, засучив рукава рубахи, готов сейчас бить поляков, мускулы голых рук напряжены, лицо зверски-свирепо, изо рта должно быть летят «крылатые слова». Парень с глухой круглой рожей сует Кузьме кожаную кису. Верник пробивается сквозь толпу, окутанную облаком пыли и льющуюся широким потоком из ворот башни старого, выдавшего мордву и татар, Кремля, крепко осевшего там на горе, высоко над толпой. Толпа льет с горы лавиной—она чувствуется и за серой упрямой стеной Кремля. Седобородый мужик истоиво крестится—он только что положил к ногам Кузьмы икону в ризе. Татарин в малахае смотрит из-за чье-то пле-

ча испуганными, но любопытными глазами на оратора-мясника. Белоголовая девчонка, держась сзади за шубейку матери, несущей в каждой свои платья, улыбается блеску кубков и братин, лежащих на земле.

Отовсюду тащат яркие платья, ларцы, посуду из серебра; штоф, парча, полк валяются кучами под ногами людей. Красавица-боярыня с жгучими глазами и матово-бледным лицом вынимает серьги из ушей; неподалеку от нее какой-то странник—плут и пьяница, судя по его лисьей роже,—подняв к небу руку, важно проповедует что-то. Позади Минина молодой стрелец, взмахнув в воздухе тяжелой секирой, орет во все горло, и глаза его палиты кровью...

Всюду возбуждение страшное и выражено оно—на мой взгляд—ярко. Толпа глубоко народна. Видишь, что это именно нижегородский народ; весь Нижний встал на ноги и рычит, и мечется с силой ужасной, готовый все ломать сплеча. Испуганные глаза татарина очень понятны.

В этой кипящей массе нижегородского люда, собирающегося совершить исторический подвиг,—на первом плане картины, у самой рамы сидит около кучи разного скарба старуха—видно, ключница—и старается открыть берестяный бумрак, не обращая никакого внимания на все, что творится вокруг нее. А неподалеку от нее стол, заваленный деньгами, и у стола две девочки. Одна в платье и в сарафане, постарше, очевидно уже насладились лицемерием всех этих блестящих и ярких вещей и смотрит в лицо своей сестренке, которую держит за руку. Сестренка—ей не больше четырех лет—повидимому только что встала и явилась делать историю в одной рубашонке. Вся беленькая, заспанная, пухлая—она таращит свои голубенькие глазенки на эти цветные материи.

Хорошая картина! Быть может она несколько тускла—в ней мало солнца, мало блеска... Не горит все это золото, серебро, ткани, главы церкви. Небо покрыто белыми, лепкими влочьями облаков, между ними всюду синева,—но солнца мало. Зато жизни много.